

**Елена
Арсеньева**

Гадание на любовь

Елена Арсеньевна Арсеньева
Гадание на любовь
Серия «Русская красавица»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41038063

Гадание на любовь: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-100202-2

Аннотация

Ах, как тяжело юной Липушке выбрать между двумя молодыми людьми! Один – давно знакомый помещик Николаша Полунин, другой – роковой брюнет Жорж Ской. Кому из них отдать свою руку, сердце и богатое приданое? Скорее раскинуть карты, найденные в кабинете покойного батюшки, и погадать на любовь! Гадалка имеется – приехавшая в имение Александра Хорошилова. Мало того, что она очаровала наивную Липушку, так еще и назвалась ее единокровной сестрой! Хорошо, что нянька Зосимовна стоит на страже интересов воспитанницы и не даст ее в обиду – ведь, похоже, девица пытается завладеть вниманием Липушкиных кавалеров!

Ранее книга выходила под названием «Загадка старого имения».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	38
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Арсеньевна Арсеньева Гадание на любовь

© Арсеньева Е. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«Барин» (туз черв), или «Бланка», карта спрашивающего, если он мужчина. Когда гадают женщине, означает партнера (например, супруга). Может, впрочем, означать и отца или сына. Оказавшись в одном из крайних рядов, вертикальном или горизонтальном, означает приближение крупных жизненных перемен.

«Книга Французской Сивиллы»

Глава 1

Прибытие незнакомки

Чудным майским днем 18... года по утоптаным дорожкам старого сада, окаймленным первой, свежей, яркой, совсем еще не доросшей до косьбы травой, бежала девушка лет восемнадцати, одетая с той небрежной простотой, которую позволяют себе наши уездные барышни, уверенные в том, что гостей нынче не будет, а значит, можно позволить себе не изощряться с нарядами. На ней было зелененькое барежевое¹ платье, в котором эта светловолосая девушка и сама казалась цветком, подобием тех одуванчиков, которые там и тут росли в траве под деревьями.

Сад был полон птичьим щебетом, пронизан солнечными лучами, осенен голубым, ясным небом, благоухал свежестью и первым яблоневым цветом, и все здесь являло картину самого радостного бытия... Все, кроме лица девушки. Его нежные, милые черты были омрачены тревогой. В руке девушка держала распечатанное письмо, изредка взглядывая на четкие резким, острым почерком написанные строки,

¹ *Бареж* – сорт легкой, полупрозрачной шелковой ткани. Бареж в начале XIX века был одной из самых дорогих тканей, пока для его изготовления не стали использовать отходы прядения, соединяя шелковые, шерстяные или хлопчатобумажные нити. Название происходит от французского города Бареж, где она была изобретена (здесь и далее примечания автора).

и тогда еще пуще беспокойство выражалось на ее лице, а взгляд пугливо обегал окрестности, словно ей чудилось, будто за каждым деревцем или кустиком таится опасность.

Девушка выскочила из-под деревьев на просторную поляну, за которой находился барский дом – одноэтажный, но на высоком фундаменте, с двумя флигелями по обе стороны фасада, выдержанный во вкусе истинно русского «деревенского классицизма», при котором дворяне наши сельские изощрялись деревянным, оштукатуренным и покрашенным в желтый и белый цвет строениям придавать внушительный вид и благородные пропорции, – и со всех ног бросилась к крыльцу, на котором был накрыт к чаю стол, а рядом с беспокойным видом похаживала женщина, одетая по-старинному – в сарафане, простом летнике и в повойнике. Впрочем, при появлении девушки она немедленно приняла внушительное, строгое выражение и сказала:

– Зачем бегать так-то?! Сколько раз говорено!

У нее было полное, румяное лицо сорокапятилетней женщины, еще не утратившее красоты и некоторой свежести, однако его весьма портили густые, сросшиеся у переносицы брови и пронзительные черные глаза. И даже при взгляде на девушку они не смягчились, как если бы перед ней был провинившийся ребенок, а не взрослая барышня.

– Извольте руки мыть, Олимпиада Андреевна, да за стол скорей. Пышки небось простыли уже, – сказала она с укоризною, но осеклась, только сейчас обратив внимание на пись-

мо, которое сжимала девушка. Мгновение смотрела на него с хищным выражением, а потом протянула: – А э-э-это еще что такое?!

– Зосимовна, – проговорила та, которая была названа Олимпиадой Андреевной, хотя гораздо более пристало бы ей ласковое имя Липушка... к слову, именно так ее и звали покойные родители, а оттого и мы станем называть именно так, как бы ни изощрялись строгая нянька, почтительные слуги или вежливые соседи, – Зосимовна, со станции почту привезли². Я как раз около ограды была, меня мальчишка окликнул и письмо передал. Зосимовна, это от нее письмо! Она ответ написала! Она едет! Она здесь будет не нынче, так завтра!

Черные брови Зосимовны так и столкнулись у переносицы, выражая суровое недовольство, но тут же лицо приняло равнодушное выражение:

– Не пойму, о чем вы лопочете, барышня. Кто такая она? Куда едет? Откуда? Какой-токой мальчишка и что за письмо он вам отдал?!

– Разве ты не видишь? – Липушка нетерпеливо сунула ей бумагу, которую держала в руке. – Александра Даниловна едет! Ну, мадемуазель Хорошилова, та самая, о которой пе-

² Имеется в виду не железнодорожная, а почтовая станция. На таких станциях, устроенных на расстоянии около двухсот верст одна от другой, проезжающие отдыхали или меняли лошадей; сюда же доставлялась почта для окрестных жителей, которую забирали они сами, а иногда почта развозилась станционными служителями.

ред смертью говорил батюшка! Которой и он писал, и я написала сразу после его кончины, а она все не отвечала! И вот ответила! И едет!

– Откуда вы это письмо взяли, Олимпиада Андреевна? – быстро спросила нянька. – Кто вам его передал?

– Или ты оглохла? Да говорю ж тебе – мальчишка! – с досадой ответила Липушка. – Деревенский какой-то, бело-брысый... а, вспомнила! Это Федотка, сын кузнеца. Да-да, помню, как мы с Николашей Полуниным катались, а у моей Незабудки расшаталась подкова, и мы остановились около кузни, а этот Федотка нам квасу напитокя приносил, а квас оказался кисловат, и Николаша сказал, что не квас это, а сущая татарская буза, и Федотка обиделся, заревел и начал ныть, барин-де басурманами их называет, коли говорит, буд-то их квас – это буза татарская. А Николаша...

– Погодите, барышня, – бесцеремонно прервала Зосимовна, и выражение простодушного, самозабвенного оживления, которое взошло на лицо Липушки, когда она вспоминала об этом эпизоде, а особенно – когда произносила имя неведомого Николаши, мигом угасло. – Как письмо к этому Федотке попало?

– Да почтальон передал, как еще? – пожала плечами Липушка. – Там целый пакет был газет, которые еще батюшка выписывал, но от которых мы никак не можем отписаться, мною заказанные журналы, альманахи, книжки... Все это Федотка должен вот-вот в дом принести, он в обход пошел,

вокруг забора, а я как письмо увидела, так схватила его – ну как было удержаться, к нам же никто давным-давно уже, с тех пор как батюшка скончался, не пишет, – прочитала – и мигом напрямик, через сад. Так я Федотку и обогнала... А вот и он идет, – указала она на мальчишку, входящего в ворота со стороны большой дороги и несшего в охапке объемистый рогожный мешок – из тех, в каких отправляют многочисленную почту, направленную по одному адресу.

Был мальчишка белобрыс, веснушчат, босоног, одет в домотканую одежду и мало чем отличался от прочих своих деревенских сверстников. Правда, выражение его синеглазой физиономии было весьма смышленное и даже лукавое. Впрочем, при виде сурово сошедшихся бровей Зосимовны он сбавил шаг и начал сбиваться с ноги. Вид его сделался озабоченным и виноватым. Однако это произошло не потому, что он на самом деле чувствовал за собой провинность. Просто в присутствии строгой няньки, по сути дела – домоправительницы и, после смерти барина, управительницы имения, всякий из протасовских крестьян начинал ощущать себя виновным во всех смертных и несмертных грехах и в любую минуту мог ожидать от нее наказания, всегда сурового и никогда не отменявшегося даже прежним господином, тем паче – робкой барышней.

– С каких это пор ты, Федотка, почтальоном заделался? – сурово спросила Зосимовна. – А Савелий где же?

– Да там, у реки, на мостках. Там девки столовое белье

полощут. Савелий и задержался с Агашей поболтать, – простодушно пояснил Федотка. – Увидел меня и говорит – нака вот тебе, держи-ка, снеси к Зосимовне почту. Да гляди, говорит, неси бережней, мешок вон разошелся. – В подтверждение своих слов Федотка показал барышне и Зосимовне порванный край рогожки. – И только он это сказал, как из прорехи возьми да и выпади письмо. Савелий глянул – он же грамотен! – и говорит: ага, это барышне, вишь, написано: г-же Протасовой Олимпиаде Андреевне в собственные руки, – его в мешок не клади, не то снова вывалится... Я письмо за пазуху сунул, пяток шагов прошел – гляжу, барышня за оградой гуляет. Ну, я и отдал письмо ей в собственные руки, как там написано.

– Тебе велено было почту кому нести? – спросила Зосимовна, приподнимая брови, отчего они зашевелились, как две черные гусеницы, готовые вползти под темный ее повойник.

– Тебе, Зосимовна, – отозвался Федотка, глядя исподлобья.

– А ты кому понес, щенок?

– Зосимовна, ты что? – удивилась Липушка. – За что ты на него гневаешься? Письмо мое, что ж такого?

– Ах так! – подбоченилась Зосимовна. – Ваше, значит? Так чего ж вы с этим письмом ко мне бежите, чего жалуетесь? Сидите с ним, если оно ваше, и сами думайте, что дальше делать и как теперь быть!

И она с самым сердитым видом ушла в дом.

Липушка ошеломленно захлопала глазами.

Федотка постоял-постоял, потом опустил на траву мешок, держать который ему было, видимо, уже невмочь, и сказал:

– Слышь-ка, барышня Липиада Андревна... Вроде бы на деревне говорят, ты теперь наша хозяйка, ну, с тех пор как барин помер?

– Конечно, я, а кто ж еще? – непонимающе посмотрела на него Липушка.

– А коли так, чего ж ты позволяешь Зосимовне над тобой измываться?! Меня тятенька, бывает, выпорет заслушание, мамка заушину даст, но чтоб нарочно измываться... Где ж на белом свете такое видано? Забылась Зосимовна, что ль?

У Липушки повлажнели голубые глаза, однако она вскинула голову и дрожащим голосом проговорила:

– Как ты смеешь, Федотка, мне такое говорить? Говоришь, Зосимовна забылась, а сам-то?

– Эх, барышня! – глубоко вздохнул Федотка. – Я ж тебя жалею, а Зосимовна – нет. Глядишь, она тебя со свету сживет и сама в Протасовке засядет владычицей. Тут-то нам всем и придет мертвый конец.

Он жалобно шмыгнул носом и, повернувшись к Липушке спиной, побрел к воротам, понурясь и загребая ногами.

Липушка растерянно смотрела ему вслед, потом вдруг крикнула возмущенно:

– Да как ты смеешь! Да ты ничего не понимаешь! Да ты

ничего не знаешь! Нет, ну как ты смеешь-то, а?! Да кабы вы знали... кабы вы все знали! Ну почему, почему все меня только ругают и никто не хочет понять?! Да неужели нет у меня на всем свете ни единого друга, который подал бы мне помощь?!

– Если позволите, я буду вашим другом и подам вам ту помощь, которой вы желаете, – раздался в эту минуту женский голос, и Липушка так и подскочила от неожиданности.

Она изумленно обернулась и увидела высокую девушку, а может быть, молоденькую даму, одетую в серое платье и серую епанчишку. Еще на ней был серый же капор, а в руках она держала небольшой саквояж. Тоже серый. По цвету одежды ее можно было принять за призрак – или путешественницу, потому что наши дамы, отправляясь в дальний путь, предпочитают надевать на себя самые что ни на есть немаркие и невзрачные одеяния. Впрочем, поглядев в лицо этой дамы или девицы, никто не решился бы назвать ее невзрачною. И это при том, что глаза у нее тоже были серые, а видные из-под глубоко надвинутого капора волосы имели пепельный оттенок. Было ей, сразу видно, немало за двадцать, однако старой девою назвать ее никто бы не решился, настолько ярким и выразительным было ее лицо!

– Кто вы, сударыня, и как попали сюда? – изумленно спросила Липушка.

– У моей кибитки сломалось колесо в версте отсюда, как раз за мостом, вот я и пришла пешком, – проговорила незна-

комка. – Не будете ли вы так любезны и не распорядитесь ли послать туда людей и телегу?

– Ах, – воскликнула Липушка, – я тотчас скажу людям, чтобы спешили к вашей кибитке. Вы, должно быть, ехали к Полуниным? Их имение в трех верстах от нашего, вон за тем дубняком, – показала она рукой. – Они гостеприимные господа, вы будете очень довольны приглашением... Но только Николай Алексеевич и Ольга Васильевна теперь в отъезде, гостят в городе, а вы к кому же направляетесь, не к Николаю ли Николаевичу?

В голосе ее прозвучала опаска, которую гостя тотчас развеяла:

– Я приехала на почтовых, а с господами Полуниными не имею чести и счастья быть знакомою. Я прибыла к вам... ежели вы – Олимпиада Андреевна Протасова.

– Это я в самом деле, – кивнула изумленная Липушка. – Но кто вы, сударыня?

– Вы знаете меня, – улыбнулась дама, а может, девица. – Знаете – если не лично, то понаслышке. Я вижу в ваших руках свое письмо... обычное дело, что почта неприлично задерживается! Я прибыла по приглашению вашего батюшки, Олимпиада Андреевна. К несчастью, разные обстоятельства задерживали мой выезд... Потом я услышала о кончине Андрея Андреевича. И отправилась в путь. Мое имя – Александра Даниловна Хорошилова.

– Александра Даниловна! – пробормотала Липушка. – Бо-

же мой, вот так чудеса! Так вот вы какая! Но отец покойный называл вас Сашенькой, и я воображала вас совершенно иной... Конечно, вы именно Александра, может быть, Александрина, но не Сашенька. Сашенька – несмышлениш, а вы, наверное, так же умны, как и красивы.

– А я воображала вас совершенно такой, какая вы есть, – улыбнулась Александра. – С такими же золотыми волосами и голубыми глазами. Вы в точности такая, какой... – Только очень чуткий слух мог почуять заминку после этих слов, тем паче что Александра заговорила почти тотчас: – Какой и должна быть девушка, которая носит имя Липушка.

– А я свое имя недолюбиваю, – улыбнулась молодая девушка. – Но скажите, ради бога, вы говорите, что отозвались на приглашение отца моего, а разве моего собственного письма вы не получили?

– Нет, только письмо вашего отца... – отрицательно покачала головой Александра. – Это произошло накануне смерти моего отца, Данилы Федоровича Хорошилова. Матушка-то моя умерла давно...

– Ах, какое несчастье! – воскликнула Липушка. – Моя мать тоже покинула сей мир восемнадцать лет назад, произведя меня на свет. Значит, мы обе сироты! Отец перед смертью заклинал меня не оставить вас. Он много говорил о вашем батюшке, которому был стольким обязан и которого так и не удосужился достойно отблагодарить. Поэтому я просто не могла не исполнить его последней воли и не написать вам.

Не пойму, как могло пропасть письмо?

– Думаю, это бывает нередко. Но что же именно говорил господин Протасов о моем отце и обо мне? – спросила Александрина, глядя на Липушку своими прекрасными, серыми, не улыбочивыми глазами. Чудилось, эти глаза многое видели и понимали, однако постигнуть их выражение стороннему наблюдателю было бы затруднительно, ибо они были не обычными, а обладали неким опаловым блеском, который как бы отражал чужие взгляды и всякие попытки проникнуть в душу Александры Даниловны.

– Ну, батюшка говорил, чтобы я считала вас за сестру, и добавлял, что Данила Федорович был прекрасный, очень добрый человек, всегда готовый выручить из беды даже незнакомца, а уж если речь шла о друге, то его доброте не было меры.

– Это правда, – задумчиво сказала Александра. – Он был именно таким. И я счастлива, что господин Протасов смог это понять и оценить – пусть даже и накануне кончины.

– Правда, мой отец не открыл, какую именно услугу оказал ему ваш батюшка, – сказала Липушка, глядя с любопытством на гостью, которая нравилась ей все больше и больше. Да и в самом деле Александра была очень хороша собой, а загадочность ее удивительных глаз еще более усиливала это впечатление. – Может быть, вы расскажете об этом?

– Я толком не знаю, это случилось еще до моего рождения, – пожала плечами гостя. – Что-то связанное с деньга-

ми... еще мелькали слова о картах...

– О да, батюшка сказывал, что в былые времена он был взятый картежник и немало денег оставлял на зеленом сукне, – вздохнула Липушка. – В его кабинете, в ящиках письменного стола, сохранилась целая коллекция карточных колод, как новых, даже нераспечатанных, так и старых, весьма потрепанных. Он много лет уже не играл, зарекся предаваться сей губительной страсти, однако с этими колодами так и не расстался. Мне тоже жаль их выбрасывать... – Тут Липушка спохватилась: – Да что ж мы здесь стоим? Нужно скорей распорядиться послать помощь вашему возчику!

– Не трудитесь, барышня, я сделаю все, что нужно, – слышался голос, и девушки, вздрогнув от неожиданности, повернулись к крыльцу.

На верхней ступеньке стояла Зосимовна и смотрела на них. Собственно, на Липушку она глянула только мельком и ревниво прищурилась, увидав ее лицо оживленным и радостным, каким оно становилось прежде лишь в минуты самые счастливые, например когда приезжал в гости молодой соседский барин Николай Николаевич Полунин, которого Липушка звала просто Николенькой или Николашей.

– Познакомьтесь, Александра Даниловна, это Зосимовна, нянюшка моя и управляющая всеми делами нашей Протасовки, – отрекомендовала Липушка. В эту минутку ей вспомнились слова Федотки о том, что рано или поздно Зосимовна сведет ее со свету и все имение приберет к рукам,

но она отогнала эту неприятную и, конечно, совершенно дуррацкую мысль. – Она при мне всю жизнь, с тех пор как маменька умерла, она меня вырастила и выпестовала. Батюшка часто бывал в разъездах, и Зосимовна неусыпно следила за моим воспитанием и образованием.

– Ну что ж, Зосимовна постаралась на славу, – улыбнулась гостья, причем без малейшего лукавства, потому что и манеры, и речь, и строй мыслей, и облик Липушки не носили ни малейшего налета провинциальной дикости и глупого жеманства, кои слишком часто встречаются у наших сельских барышень и заставляют их выглядеть сущими дурочками.

– Премного благодарны вам, барышня, – процедила сквозь зубы Зосимовна, и Александра поняла, что ее искренний комплимент няньке по вкусу отчего-то не пришелся. Вообще показная заботливость Зосимовны не обманула ее, и она немедля поняла, что нянька ее с первого взгляда невзлюбила, а может, даже и возненавидела. Что и говорить, девица сия была особа весьма проницательная, да и жизни, а значит, и человеческого притворства повидала не в пример больше Липушки, которая всякое слово и проявление чувств принимала за чистую монету. Ну что ж, подумала Александра, это даже хорошо, что нянька не дает себе труда притворяться. Тем легче будет с нею сладить, ибо, как говорят восточные мудрецы, тигр в пустыне менее опасен, чем змея в траве.

– Как же мы разболтались! – воскликнула Липушка. – А вы с дороги! Верно, хотите скорей умыться, переодеться,

чаю выпить? Зосимовна!

– О том, чтобы помыться, я мечтаю страстно! – улыbnулась Александра. – И от чаю не откажусь. Но переодеться мне не во что, весь мой небольшой багаж в кибитке, которую невесть когда еще вызволят...

Последняя реплика могла показаться невинной только простодушной Липушке, а на самом деле это был легкий укол в адрес Зосимовны, которая все еще не отправила обещанных людей вытащить кибитку. И та мигом смекнула, что к чему, а потому немедленно ответила так небрежно, что это при желании можно было счесть за грубость:

– Баню мы только в субботу топим, как и положено деревенским жителям, а потому, если желаете немедля помыться, прикажу в нетопленную мыльню ведро горячей воды из кухни отнести. Одежду тоже могу дать на время – что-нибудь из ношеного Липушкиного.

– Да ты что, Зосимовна, вообще такое говоришь?! Что это такое – ведро воды? Немедля вели баню топить! – закудаhtала чрезвычайно скандализованная Липушка и принялась заглядывать в лицо гостье, словно опасаясь, что та смертельно обиделась и прямо сейчас, с порога, развернется и уйдет.

Однако Александра превесело улыbnулась. Она бывала и не в таких переделках, к тому же ей был нужен этот дом, эта внезапно обретенная подруга, эта свалившаяся на голову удача, а потому она не собиралась сдаваться.

– Спасибо за хлопоты, – любезно кивнула она Зосимов-

не. – А вы не тревожьтесь, Липушка, мы, городские жительницы, в баню тоже ходим лишь раз в неделю, зато каждый день привыкли мыться дома, а значит, умеем обходиться не столь уж большим числом воды. Двух ведер, – подчеркнула она, – мне будет вполне достаточно, только пусть уж вода будет погорячее.

Зосимовна скрипнула зубами, ощутив, что проигрывает этой самоуверенной особе, которую ну никак, нипочем нельзя было вывести из себя. Нянька только собралась сказать, мыл-де душистых в доме не водится, придется мыться попросту щелоком или простым мылом, сваренным из собачины... Да-да, она так и хотела сказать, поглубей, чтобы вызвать отвращение в госте, – как Александра ответила упреждающим ударом:

– А мыла искать не трудитесь, при мне в несессере есть кусочек, кроме того, в багаже я везу некоторое количество прекрасного savonnette, туалетного мыла, из французской лавки в подарок Олимпиаде Андреевне.

Зосимовне пришлось признать поражение. Ну что тут скажешь, жизнь научила ее смиряться и выжидать, и она готова была переждать, перетерпеть и сейчас, когда возникла эта новая, внезапная помеха ее давно лелеемым расчетам. Ничего, все сбудется, не нынче, так завтра, а не завтра, так послезавтра, в этом она не сомневалась, а потому надела на лицо снисходительную улыбку и, кивнув:

– Будь по-вашему, барышня! – отправилась в дом давать

распоряжения.

– Ради бога, извините, – пролепетала Липушка, – сама не пойму, что это с ней. Вы сочтете нас негостеприимными...

– Ну, гостеприимство оценивают не по поведению слуг, а по приветливости или не приветливости хозяев, – сказала Александра. – Вы же так милы и заботливы, что никаких обид быть не может, только благодарность. Зосимовна же попросту ревнует. Она привыкла считать вас маленькой несмышленной девочкой, которую нужно опекать на каждом шагу. Воображаю, как она сурова с вашими кавалерами! Или я ошибаюсь?

– Да у меня не столь много и кавалеров-то, – призналась Липушка, порядком растерявшаяся от такой пронизательности и прямолинейности. – Конечно, соседские молодые люди иногда приглашают на балах и в беседы вступают, но частит к нам только Николенька... То есть Николай Николаевич Полунин... Мы с самого детства знакомы, так что он на причуды Зосимовны почти никакого внимания не обращает.

– И что же, хороший он человек, этот Николай Николаевич? – с легким, необидным лукавством спросила Александра.

– Очень! – пылко ответила Липушка. – Он необыкновенный! И красив, и добр, и смел, и благороден, и весел! Может быть, он самый лучший человек из всех, кого я знаю!

«Может быть, ты не так уж много знаешь людей, оттого так ценишь сего деревенского увальня?» – подумала Алек-

сандра, но, разумеется, вслух ничего подобного не произнесла, тем паче что появилась Зосимовна и объявила, что люди на выручку застрявшего экипажа отправлены, горячая вода в баню отнесена, так же как и чистые вещи и полотенца, а еще отданы распоряжения приготовить комнату гостье.

– Я сама послежу, чтобы там все было устроено наилучшим образом! – воскликнула Липушка. – Вы будете жить вон в том крыле, там прекрасная комната для гостей. Конечно, вы, городские жители, привыкли, я слышала, к домам в два, а то и в три этажа, однако у нас, в деревне, все строят не ввысь, а вширь, оттого дом у нас одноэтажный.

– Я всегда жила в одноэтажном доме, – успокоила ее Александра. – Даже полуэтажном, можно сказать. Окошко вровень с землей, маленькая комнатка, самая простенькая обстановка...

– Голодранка, – пробормотала Зосимовна вслед, однако так, чтобы ее никто не расслышал.

Глава 2

Прибытие незнакомца

Спустя совсем малое время – в самом деле минуло не более получаса, что для свершения дамского туалета можно считать столь же стремительным, как пять минут – для приведения солдатом себя в полную боевую готовность, – Александра вышла из дверей бани на дощатую дорожку, ведущую к дому, и счастливо улыбнулась. Она была чистоплотна, как кошка, и очень многое для нее в жизни определялось тем, успела ли она как следует помыться, а главное – вымыть свои легкие, пепельные, вьющиеся волосы. Чудилось, в мыслях наступало просветление, с души слетала тяжесть, все казалось возможным и вполне осуществимым. Она чувствовала себя на несколько лет моложе, словно бы не стояли за спиной годы тяжелой, ох какой тяжелой жизни, о которой и представления не имела беззаботная Липушка... Да еще и этот смешной, совсем девчоночий, ситцевый капот, который принесла Зосимовна, страшно понравился Александре, несмотря на то что был порядком линялым. Когда-то, в самые юные годы, у нее было платье совершенно такого же бледно-голубого оттенка, с этим платьем были связаны какие-то радостные семейные события, жизнь в маленьком городишке Городце, который, несмотря на название, был сущей деревней

и который Александра обожала... Словом, и от воспоминаний, и от этой свежести она чувствовала себя просто превосходно!

Девушка постояла на дорожке, вдыхая аромат свежей майской зелени и тонкими пальцами безотчетно теребя влажный кончик косы, как вдруг услышала звук шагов и, обернувшись, увидела незнакомого молодого человека, который шел к ней со стороны сада. Он был высок, черноволос, у него были брови вразлет и темные глаза, несколько резкие черты лица и смелая походка. Он был, безусловно, хорош собой и принадлежал породе тех дерзких в помыслах и поступках мужчин, при виде которых девичьи, да и женские, сердца начинают биться сильнее. Кроме того, на нем был отличный охотничий костюм, который произвел весьма сильное впечатление на горожанку Александру и показался ей весьма романтичным.

«Кто же это? Хозяин умер, да и был Протасов весьма пожилой человек. Больше, судя по письму Липушки, мужчин в доме нет. А он идет как к себе домой... Наверняка бывал здесь часто, – размышляла Александра. – Боже мой, а что, если это тот самый Николенька... Как его? Полунин, кажется, о котором с таким восторгом говорила Липушка? Да, теперь я ее понимаю! В самом деле, он красив и вовсе не деревенский увалень! Ну что ж, повезло этой милой девочке...»

И она вздохнула не без зависти.

– Добрый день, сударыня! – воскликнул молодой чело-

век. – Тысяча извинений, что без приглашения и без спросу вторгся к вам. Но меня извиняют обстоятельства. Позвольте представиться – Георгий Антонович Ский, владимирский помещик.

«Это не Полуниин! – изумилась Александра. – Георгий... Какое красивое имя! А фамилия странная...»

– А вы, верно, Олимпиада Андреевна, дочь моего старинного знакомца Андрея Андреевича Протасова, вернее, старинного знакомца отца моего? – продолжал Ский. – Наслышан о вашей красоте, но, винюсь, думал, что описания вашей внешности льстят оригиналу. Однако что я вижу?! Обворожительности этой сельской жительницы может позавидовать любая светская дама, избалованная комплиментами поклонников. Ах, с какой печалью провижу я ваше будущее... Наверняка вы уже просватаны за какого-нибудь местного медведя... Сможет ли он оценить вас? Даст ли вам видеть мир и предоставит ли возможность миру любоваться вами или навсегда похоронит в этой глуши?

Александра смотрела на Ского во все глаза, дивясь не столько витиеватости его выражений, сколько бесцеремонности, с которой тот общается с дамой, не будучи с ней знаком, и позволяет себе суждения о ее жизни. Это заинтриговало Александру. Хотя приличия требовали, чтобы она призналась, что не является той, за кого ее приняли, она не спешила это сделать.

– Благодарю вас, вы весьма любезны, – проговорила

она, пытаясь принять вид застенчивой, истинно деревенской скромности. – Однако скажите, Георгий Антонович, вы что же, из-под Владимира так и шли пешком? Где ваша коляска, где ваш багаж?

– Шутить изволите! – засмеялся Ский. – Нет, я не шел пешком. Но моя коляска застряла на мосту через реку Теша! Мы въехали на мост и увидели, что перед нами стоит кибитка, у которой слетело колесо. Вместо того чтобы остановиться посреди моста и ждать, пока те люди починят свою колымагу и уедут, мой возчик отчего-то решил повернуться. К сожалению, при неуклюжем крене доска под нами провалилась, и мы засели прочно! Возчик сказал, что Протасовка здесь совсем рядом, а если держать путь напрямик, дорогу можно еще сократить и подойти к дому через сад. Я и взял на себя такую смелость. И, надо сказать, благословляю теперь небеса за эту катастрофу с моим экипажем, потому что на пути моем возникли вы, Олимпиада Андреевна, и я могу прямо сейчас, вдали от посторонних взоров, сказать, что с самого первого взгляда...

Невесть что наговорил бы еще Георгий Ский Александре, которая была и удивлена кое-чем, и ошеломлена натиском этого господина, и испытывала огромное удовольствие от этого натиска, и с трудом удерживала смех, – кабы не зазвучали торопливые шаги и перед баней не очутилась бы Зосимовна. Черные гусеницы ее бровей немедля ринулись под повойник, выражая то несказанное изумление, кое овладело

ею при виде незнакомца.

– Су-дарь, – проговорила она с запинкою, – позвольте спросить вас, кто вы и какими судьбами оказались здесь?

– Мое имя – Георгий Антонович Ский, – с достоинством отрекомендовался тот, – я ехал из Владимирской губернии с визитом к Андрею Андреевичу Протасову, о чем давно уж было меж нами условлено.

– С визитом к Андрею Андреевичу?! – с видом крайнего изумления воскликнула Зосимовна. – О господи, сударь, да неужто вам не ведомо, что Андрей Андреевич отдал богу душу уже с год тому?!

Ский с беспомощным выражением взглянул на Александру:

– Как так?! Быть не может?! Какое несчастье... Отчего же мне не пришло письма, об сем печальном событии извещающего? Ведь по количеству писем, коими обменялись наши с вами родители, можно было судить об их коротком знакомстве, об их дружбе...

– Стойте-ка, сударь, – сердито сказала Зосимовна. – Писем вашего отца и в самом деле не одна пачка, однако, с позволения спросить, отчего это мадемуазель Хорошилова должна была извещать вас о кончине Андрея Андреевича?

Ский чрезвычайно удивился:

– Какая-такая мадемуазель Хорошилова?!

– Да вот эта, – небрежно кивнула Зосимовна на Александру. – Вот эта самая!

– Как?! – снова до крайности изумился Ский. – А разве это не мадемуазель Протасова?!

– Да нет, я не мадемуазель Протасова, – сочла нужным вмешаться Александра, которой не нравилось, что о ней говорят будто о неодушевленном предмете. – Меня зовут Александра Даниловна Хорошилова, и это мой экипаж застрял на мосту через Тешу, перегородив путь вам, господин Ский.

– Я отправила людей, его скоро вытащат, а багаж ваш будет доставлен с минуты на минуту, – сообщила Зосимовна, явно сделав над собой усилие. Похоже, будь ее воля, она вообще не замечала бы Александры.

Впрочем, та не разозлилась, а только усмехнулась, подумав о том, что Зосимовна ведь наверняка крепостная, а значит, сменись у Протасовки хозяин и окажись он недоволен самовластностью домоправительницы, он вполне способен отправить ее на торги и продать невесть кому и куда. А хозяин легко может смениться, ну, к примеру, выйдет замуж Липушка... Да мало ли что! Ведь и хозяйка в Протасовке может оказаться совершенно иная, гораздо более сильная и непреклонная, чем теперешняя... Да, фортуна переменчива, об этом забывать не следует. Впрочем, Зосимовна, конечно, далека от философии, она живет – словно по наезженной колее катится, а вот Александра Хорошилова, которой в жизни всякое пришлось повидать и всякие дороги ощутить под своими ногами, очень хорошо знала, сколь неверно и при-

зрачно будущее, даже то, которое в этот миг кажется определенным и незыблемым.

Она рассеянно оглянулась на кусты набиравшей цвет сирени, в которых послышался какой-то шум. Наверное, птица спорхнула.

А впрочем, гораздо больше, чем какая-то птица, Александре было интересно, почему это Зосимовна испытывает такую неприязнь к дочери старинного друга своего покойного хозяина. Ревнует Липушку, которую полагает своей безраздельной собственностью? Или тут скрыто что-то еще, о чем Александра не знает? Ну что ж, надо узнать... но для начала следует найти способ раз и навсегда осадить Зосимовну. Александра Хорошилова не может позволить себе зависеть от расположения или нерасположения какой-то крепостной бабы, пусть это даже нянька Липушки и фактическая распорядительница в Протасовке.

Потом она подумала, какое странное произошло совпадение. Протасов накануне своей кончины призвал в свой дом дочь и сына старых друзей. Какую цель он при этом преследовал? Облагодетельствовать их? Или дать дочери подругу и... друга? Возможного жениха? А если так, то как же Полунин? Или он был негоден отцу Липушки?

В следующее мгновение Александра опустила голову, чтобы скрыть улыбку: происходящее очень напоминало ремарки, коими снабжают действие господ драматурги. Сначала около бани появилась она сама, потом «та же и Ский»,

потом «те же и Зосимовна», ну вот теперь оказались «те же и Липушка». Выбежала из сада, радостная, оживленная, с букетом незабудок, крича:

– А это мы вам в комнату поставим, Сашенька, то есть Александра Даниловна! – и осеклась при виде незнакомого мужчины.

– Это и есть Олимпиада Андреевна Протасова, – негромко проговорила Александра, исподтишка наблюдая за Ским и читая те выражения, которые в миг единый мелькнули в его лице.

Сначала это было острое разочарование, потом спокойствие холодной оценки и вот тотчас – восхищение столь безудержное, что Липушка, наткнувшись на пылкий взгляд его темных, очень красивых глаз, смешалась, покраснела и пробормотала растерянно:

– Ой, кто это?

– Георгий Антонович Ский, владимирский помещик, сын покойного друга вашего батюшки, – снова пришлось рекомендоваться гостю. – Был зван в Протасовку, за недостатком времени задержался, вот наконец собрался – и прибыл, даже не ведая, что Андрей Андреевич уже покинул сей мир. Конечно, я понимаю, сколь бестактно и несвоевременно мое появление, а потому, как только повозка моя будет снята с моста, я попрошу у вас позволения откланяться и воротиться в свою вотчину.

– Что вы, что вы! – прозвучало разом два голоса: Липуш-

кин – с простодушным восторгом и Зосимовны – с искренним радушием. И далее нянька сама повела разговор, нимало не заботясь о вежливости по отношению к молодой хозяйке:

– Коли вы были званы барином, значит, вы дорогой гость в этом доме. Располагайтесь и живите, сколько вам будет угодно! Я провожу вас в лучшую гостевую комнату и прикажу истопить баню, чтобы вы могли хорошенько отдохнуть с дороги.

При этих последних словах Липушка и Александра невольно переглянулись. В глазах юной хозяйки был стыд. Зосимовна в очередной раз подчеркнула свое пренебрежение к Александре. Спору нет, расстояние в полторы сотни верст между деревушкой Протасовкой, находившейся за Арзамасом, на южной окраине губернии, и Нижним Новгородом преодолеть было не в пример проще, чем более чем триста верст до Владимира. Однако это было все же немалое расстояние, особенно для женщины! А Зосимовна держалась так, будто Александра была сильным мужчиной, совершившим легкую пешую прогулку, а Ский – слабой женщиной, приехавшей издалека в почтовой карете. Этого и стыдилась Липушка, но очень удивилась и обрадовалась, увидев в глазах Александры смех, который та с трудом сдерживала. Так складывалась жизнь мадемуазель Хорошиловой, что больше всего она любила разгадывать загадки, скрытые в нравах человеческих, и загадку Зосимовны готова была раз-

гадать тоже. Ничего, что это крепостная крестьянка – люди простого звания сложностями своих мыслей и глубиной сердечных переживаний ничем не отличаются от представителей знати, это Александра давно усвоила. Она даже потеряла руки от предвкушения того, сколь много любопытного откроется ей в этом доме...

– Вы озябли? – встревожилась Липушка. – Этот капот слишком легкий! Ну какая же ты, Зосимовна, не могла найти чего-то попримочней! Я сейчас же принесу вам шаль, Александра Даниловна, а ты, Зосимовна, вели, пожалуйста, подать самовар. Надобно согреться.

– Умоляю, зовите меня просто Александрой, не нужно отчества, – сказала гостья. – И из-за чаю не тревожьтесь, я ничуть не озябла.

Зосимовна слегка усмехнулась, видимо, довольная тем, что незваная посетительница осознала наконец свое место.

– А меня прошу называть Жоржем, – сказал Ский. – Я столь много наслышан о вас, Олимпиада Андреевна, что считаю родным человеком и прошу позволения звать вас Липушкой.

– Конечно, конечно, – пролепетала та, а Александра спрятала улыбку и снова оглянулась на ближайшие кусты.

– Прошу вас в дом, – сказала Зосимовна и понесла свое мощное тело по дорожке.

Ский подал руку Липушке, они последовали за нянькою. Липушка заботливо оглянулась на задержавшуюся Алексан-

дру, однако та кивнула с видом успокаивающим:

– Я забыла в бане гребенку, сейчас заберу и последую за вами.

И она в самом деле вошла в баньку, однако, выйдя оттуда с гребенкой, не поспешила вслед за прочими, а свернула к сиреням и проговорила негромко:

– А теперь выходите оттуда и скажите, почему прячетесь.

Глава 3

Еще один персонаж

Кусты раздвинулись, и на дорожку выбрался высокий молодой человек. Он был широкоплеч, с растрепанными соломенными волосами, смущенно-простодушным выражением лица, и его вполне можно было принять за деревенского увальня, кабы не одежда, в которой обычно хаживают наши молодые помещики: черные брюки, заправленные в сапоги, просторная белая рубаха с накинутой поверх легкой тужуркой да картуз. Ну и когда он заговорил, весь строй речи немедля выдал в нем человека образованного и начитанного, хотя изъяснялся он чрезвычайно просто, без витиеватостей, свойственных, например, Жоржу Скому.

– Извините, сударыня, я надеялся, что меня никто не заметит.

– Вы, часом, не вор? – усмехнулась Александра, которая и вообще-то никогда за словом в карман не лезла, а кроме того, почувствовала себя рядом с незнакомцем необыкновенно легко и свободно, как будто знала его всю жизнь.

– Нет, я не вор, – улыбнулся он. Улыбка его была чуть застенчива, но еще больше красила его привлекательное лицо. – Я сосед господ Протасовых, меня зовут Николай Николаевич Полунин. А вы... вы Александра Даниловна Хо-

рошилова, насколько я расслышал? И предпочитаете, чтобы вас именовали без отчества, просто Александрой?

– О, так вы довольно давно сидите в своем укрытии? – расхохоталась Александра. – И что еще успели услышать?

– Что сей хлыщ, который просит называть себя Жоржем, тоже намерен погостить в Протасовке, – помрачнел Николай Полунин.

– И вам это не нравится? – проницательно глянула Александра.

– Мне не нравится, что Липушка мгновенно подпала под его дешевое очарование.

– Ну почему вы полагаете, что оно дешевое? – удивилась Александра. – Сей господин кажется хорошо воспитанным, а что до образности выражений, это изобличает в нем известную начитанность.

– А по-моему, столь «образно» выражаются приказчики из галантерейных лавок на Большой Покровской улице в Нижнем Новгороде, а не истинно образованные люди, – упрямо набычившись, сказал Полунин.

– А по-моему, – лукаво поглядела на него Александра, – вы просто ревнуете. Вы влюблены в Липушку и боитесь, что...

– Ну да, да, и что?! – с вызовом перебил Николай. – Я всегда считал Липушку своей невестой, это правда, хоть Зосимовна терпеть меня не может и всячески отваживает. Когда был жив Андрей Андреевич, он ее умел в узде держать,

а после его смерти чертова баба как с цепи сорвалась. И хотя господин Протасов вроде бы поговаривал, что отдаст мне Липушку, теперь я боюсь об этом даже заговорить с ней, ведь она шагу без совета Зосимовны не ступит. Что, если та скажет: откажи ему?! Как жить тогда?! – Голос его дрогнул.

– Вы, верно, с Зосимовной поссорились когда-то, вот она вас и невзлюбила? – предположила Александра.

– Я с ней не ссорился, но вечно спорил, – признался Николай. – В том смысле, что не скрывал от нее своих мыслей: крепостная крестьянка может быть для барышни кормилицей и нянюшкой, но не может быть ей наставницей во взрослой жизни и не имеет права диктовать, как и с кем себя вести. Андрей Андреевич это понимал и привозил к Липушке то бонну, то мамзель, то учителя музыки и танцев, но Зосимовна их очень скоро из дому выживала. А теперь она меня к Липушке, можно сказать, не подпускает, ни на минуту с ней не оставляет наедине, вечно твердит, что неприлично неженатому молодому человеку бывать запросто в доме, где живет одинокая сирота, молоденькая девушка. Ну и всякую такую благопристойную чушь несет.

– Может быть, она именно что намекает, вам-де пора к Липушке посвататься? – улынулась Александра.

– Я закидывал удочки, – угрюмо сказал Николай. – Но меня остановили на полуслове – дескать, не время еще, пусть хотя бы год после смерти Андрея Андреевича пройдет.

– Что-то я не заметила, чтобы кто-то здесь траур носил, –

не удержалась от колкости Александра.

– Ну, знаете, мы, деревенские помещики, все эти тонкости не так блюдем, как городские, – извиняющимся тоном проговорил Полунин. – Прилично считается траур первый месяц носить, но потом уж кто как хочет, тем более летом...

– А вот, кстати, о приличиях, – задумчиво проговорила Александра. – Вам Зосимовна твердит, что неприлично оставаться наедине с Липушкой. Отчего же она так охотно оставила с ней господина Ского? Совершенно незнакомо-го, вообще случайного человека? И пригласила его пожить в доме, хотя видит его впервые? А сей господин весьма ловок в обращении с девушками, я таких навидалась в Нижнем! Остановят хорошенькую особу на улице, заговорят зубы, засыпят комплиментами... Тем, что потоньше в обхождении, букетик купят у цветочницы, а для простушек и леденец на палочке сойдет, потом в провожатые навяжутся, по пути примутся ручку пожимать или в плечико целовать, потом с этого плечика косыночку стянут, к шейке подберутся... а при этом такого наплетут, такого сладкого дурману навеют, что девушка увязнет в их речах, словно муха в паутине. Тут уж и до греха недалеко...

Полунин побледнел и произнес с отчаянием:

– Ну, пропал я, не видать мне Липушки, как своих ушей!

– Погодите, – строго сказала Александра. – Погодите впадать в тоску. Думаю, что дела ваши поправить можно, но сперва мне нужно посмотреть, что здесь и к чему творится.

Может быть, не о чем и тревожиться, а может быть, нужно немедленно начинать действовать.

– И долго вы будете смотреть? – с надеждой воззрился на нее Полунин.

– Ну, я довольно приметлива, – усмехнулась Александра. – И соображаю быстро. Давайте завтра встретимся с вами в это же время в этом же месте. А теперь прощайте, мне пора идти. И вы тоже уезжайте домой!

– Прощайте, да хранит вас бог! – Полунин склонился к ее руке и снова полез в сиреневые кусты, за которыми, очевидно, пролегал его путь домой.

Глава 4

Подсматривать и подслушивать иногда бывает весьма полезно

Александра поспешно пошла к дому, размышляя, что ее пребывание в Протасовке, пожалуй, окажется весьма интересным. Она вспоминала свою унылую нижегородскую жизнь, где самыми светлыми часами были те вечерние часы, которые она проводила в книжной лавке на Большой Покровской улице – у своей крестной матери. Та была замужем за книгопродавцем и частенько пускала великую книгочейку Сашеньку отвести душу в лавке после того, как оттуда уходили покупатели и приказчики. Чего только не читала там Александра! И античных мудрецов, и фривольные или чувствительные романы, и стихи Пушкина, которого обожала, и переводные новинки, и модные дамские журналы, и естественно-научные сочинения... Без преувеличения можно сказать, что все ее образование пошло из этих томиков в разнообразных сафьяновых или матерчатых переплетах. Она глотала книгу за книгой и с трепетом ждала той минуты, когда крестная приходила отпереть лавку и выпустить Сашеньку, чтобы возвращалась домой. Счастье тогда кончалось. Пора было перемещаться из разноцветного выдуманного мира в унылый живой. На улицах было уже темно, она

бежала, прижимаясь к стенам и оградкам, сторонясь каждого прохожего, порой слыша вслед оскорбительные выкрики (поздним вечером одинокая девушка казалась легкой, доступной добычей любителям случайных удовольствий), упо-вая только на бога, а в голове ее все еще кружились картины прочитанного, сцены невероятных приключений и страстных объяснений, прекрасные слова и образы, которых не отыщешь в повседневной жизни... Однажды крестная нечаянно заснула и забыла прийти в лавку и выпустить Сашеньку. Та провела ночь за книгами... может быть, то была самая счастливая ночь в ее жизни! Однако каким ужасным оказалось пробуждение, что обнаружила она, когда воротилась домой! Вся жизнь ее с тех пор совершенно переменилась, словно с ног на голову встала, а вот к добру или к худу это произошло – Александре еще предстояло понять.

...Она махнула рукой, словно пытаясь отогнать тяжелые воспоминания, и уронила в траву гребенку. Подобрала ее, стряхнула травинки, закрутила на затылке еще влажную косу, заколола ее – и услышала торопливую тяжелую поступь, которая уже была ей знакома.

Зосимовна возвращается! Лишний раз встречаться с ней у Александры не было ни малейшей охоты. Она прынула в окаймлявшие дорожку кусты, затаилась – и через миг мимо поспешно прошагала Липушкина нянька. Еще мгновение Александра размышляла: пробежать в дом, воспользовавшись минутой, когда Липушка окажется без своего Цер-

бера, попытаться поговорить с ней, не опасаясь быть одернутой Зосимовной, – однако любопытство оказалось сильнее, поэтому она тихонько выбралась на дорожку и бесшумно, потому что была босая, побежала за Зосимовной.

Та поспешно обогнула дом и подошла к конюшне. Приоткрыла дверь, позвала кого-то и тотчас подалась обратно, а вслед за ней вышел невысокий кряжистый парень, которому звание «конюх» пристало так же, как слово «дуб» пристало дубу. Он был чуточку кривоног, длиннорук и сам чем-то напоминал коренастого конька монгольской породы, тем паче что имел узкоглазую, татароватую, широкую физиономию.

Александра порскнула за куст – и вовремя, потому что Зосимовна повернулась к парню и грозно произнесла:

– Ну, Савелий! Надоел ты мне! Все, лопнуло мое терпение! Сулила я тебе, что при малой провинности в рекруты сдам при ближайшем наборе, а Агашку твою ненаглядную за Митьку горбатого отдам? Ну вот и настал час.

– Зосимовна! – ошеломленно простонал Савелий. – Ма-тушка моя... да за что же такая кара смертная?!

Александра в своем укрытии покачала головой. Ай да Зосимовна! Ну сущая палачиха. Диво, что бедный парень вообще мертвый не упал от таких страстей!

– Неужто не ведаешь? – ядовито спросила Зосимовна. – Не ведаешь, в чем провинился?

– Не ведаю! – всхлипнул Савелий.

– А помнишь, как пакет с почтой Федотке, сынишке куз-

неца, отдал, а сам со своей портомойницей Агашкой любезничал?

– Да ты что, Зосимовна, рехнулась – за такую ерунду такую кару назначать?! – возопил Савелий. – Это ж из пушки по воробьям! Какая беда была в том, что почту Федотка принес?!

– Беда не в том, кто что принес, а в том, что ты из моей воли вышел! – грозно просвистела Зосимовна. – И за это придется заплатить! Клянусь, что свершу над тобой все, что обещала.

– А я к барышне в ножки... – дрожащим голосом, но все еще храбрясь, начал было Савелий, однако Зосимовна люто сунулась к нему всем телом:

– Нашел заступницу, дурак! Барышня-то из моей воли не выходит! Все сделает, что я ни велю!

– Зосимовна! – простонал Савелий и пал на колени. – Не погуби! Да я больше никогда!.. Назначь испытание – все сделаю, что велишь, только смилуйся! Мне ж тогда в омут головой легче...

– Назначь, говоришь, испытание? – глумливо проговорила Зосимовна. – Изволь. Но это уж в последний раз я тебе прощаю, запомни!

– Запомню! – слегка ожил Савелий. – Говори, делать что?

– Собирайся в дорогу! В дальнюю дорогу! – приказала Зосимовна.

– В какую еще дорогу?! – оторопел Савелий.

– Поедешь в... узнаешь там все про... а заодно побывай у... – понизив голос, говорила Зосимовна, и Александра с досадой нахмурилась: она мало что могла разобрать, потому что Зосимовна и Савелий перешли на шепот, и вскоре нянька поспешно ушла, а понурый парень побрел в конюшню.

– Вот же чертова Зосимовна! – сердито пробормотала Александра. – Опасна и хитра, ну сущая змеища!

– Змеища – она змеища и есть, – прозвучал рядом с ней мальчишеский голос, и Александра не выдержала и засмеялась: уж очень обитаемы оказались кусты в Протасовке!

– Эй, ты кто? – позвала она весело. – Выходи!

– Я Федотка, – отозвался голос, и уже знакомый читателю, но впервые увиденный Александрой белобрысый, конопатый мальчишка высунулся из зарослей и уставился на нее во все свои синие глаза.

– А я тебя знаю, – улыбнулся он щербато. – Ты барышни Липушки гостья. Это твое письмо я Зосимовне принес.

– Послушай! – догадалась Александра. – Не из-за этого ли письма весь сыр-бор разгорелся? Не из-за него ли Савелий пострадал?

– Из-за него, – солидно, по-взрослому кивнул Федотка. – Не сойти мне с этого места, коли не из-за него!

– Да, похоже, Зосимовна ни письму моему, ни мне самой не сильно рада, – задумчиво сказала Александра.

– Да кому она вообще рада? – хмыкнул Федотка. – Никому не рада. Никого не любит.

– Ну, барышню-то любит? – заикнулась Александра, но мальчишка решительно замотал кудлатой головой:

– Это пока барышня наша слово молвить поперек Зосимовны боится. А вот решится – ну, тут уж пойдут клочки по закоулочкам!

– Да кто Зосимовна такая? – пренебрежительно фыркнула Александра. – Крепостная нянька, вот и все. Что это она у вас тут такую волю забрала?

– Нянька-то она нянька, а знаешь, как покойный барин ей доверял? Когда завещание писал, то заверительные подписи ставить позвал своего старого камердинера Феклиста, который его с детства обихаживал, и Зосимовну. Вот как доверял!

– И откуда ты такие вещи про господ знаешь? – удивилась Александра.

– Так ведь Феклист мой дед был, он перед смертью и рассказал. Только ты вот что, ты смотри не проговорись Зосимовне, что я об этом знаю, а то она меня со свету сживет. Ты ж видела, как она на Савку ополчилась. Но это еще что! Вот когда Любанька увидела, что Зосимовна в барском кабинете ночью шарится, и стала за ней подсматривать и попалась ей на глаза, тут что было! Любаньку мигом за вдовца Осипа Полуянова выдали, а у него пятеро детей! И всех из Протасовки на дальние пасаки выслали.

– Ну и жестокая она, вот злодейка! – от души возмутилась Александра. – А почему Зосимовна шарилась в барском ка-

бинете? Искала что-то?

– Да шут ее знает! – пожал плечами Федотка. – Отомкнула барский письменный стол и давай бумажки в нем перебирать. Так Любанька говорила. Это еще месяц назад было, и с тех пор Зосимовна чуть не каждую ночь в кабинете шарится. Свеча, бывает, чуть не до утра горит. Конечное дело, никто не суется уже подсматривать, жизнь-то дороже!

– Да, забавные дела тут у вас творятся! – задумчиво протянула Александра. – А ведь, наверное, если бы Липушка замуж за господина Полунина вышла, он бы прищемил хвост этой змеище?

– Надо быть, – солидно кивнул Федотка. – Он своевольных дворовых недолюбливает. Да только Зосимовна барышню из своей власти не выпустит и воли ей никакой не даст. Видела небось, как Савка перед Зосимовной трясся? Так же и барышня наша перед ней трясется. Как будто Зосимовна тут госпожа, а Липушка наша – просто сенная девка.

– Но ведь это полное безобразие! – всплеснула руками Александра. – Надо что-то делать!

– Надо, – вздохнул безнадежно Федотка. – Да что тут поделаешь, надобно терпеть.

– Ну, знаешь, я не из терпеливых! – фыркнула Александра. – И не желаю, чтобы меня в сенную девку превращали. Я намерена с Зосимовной потягаться. Поможешь мне?

– А то! – радостно вскричал Федотка. – Конечно! А помогать-то в чем?

Александра немножко подумала, а потом сказала:

– Для начала хорошо бы узнать, куда и зачем она послала Савелия. Сможешь у него выпросить?

– А чего ж тут хитрого? – пожал плечами Федотка. – Подождешь, пока я в конюшню сбегаю?

– Ну, давай! – кивнула Александра. – Только смотри – одна нога здесь, другая там. Мне уже давно пора в доме быть. Не хочу я, чтобы Зосимовна меня разыскивать пошла.

– Сейчас! – пообещал Федотка и ринулся в конюшню, а Александра снова спряталась в кустах.

Откуда ни возьмись, выскочила красивая собака с крупной головой и плотно прилегающей шелковистой белой шерстью. Вокруг шеи шла рыжая полоса, напоминавшая ошейник. Какой причудливый окрас! При виде этой собаки Александра так и ахнула. Это была охотничья ищейка редкостной английской породы кламбер-спаниель. Как-то раз в Нижнем, в доме мужа своей крестной, Александра видела его друга, английского издателя и страстного охотника, который путешествовал по России. Он очень хвалился своей собакой, лучше которой никто не охотился на фазанов, кроликов и вальдшнепов. Однако собака его – вот точно такая, какую видела сейчас Александра! – замечательно приспособилась выискивать и русскую дичь. Умное выражение ее широкой морды очаровало Александру, которая вообще любила собак. Но хозяин говорил, что у кламбер-спаниелей замечательный нюх. Сейчас пес учует ее и поднимет шум...

Однако белая собака вела себя очень странно. Она моталась по кустам, рассеянно поводя носом, прошла почти вплотную к Александре, но даже не твякнула. Может быть, она понимала, что девушка, сидящая в кустах, совсем не дичь, которую надо вынюхивать и поднимать, а потом подавать голос?

Ну что ж, собака была права, Александра никакая не дичь...

Появился Федотка, и Александра опять встревожилась, однако собака не обратила на него внимания. Федотка залез в кусты и, заметив испуганные глаза Александры, сразу догадался, в чем причина. И засмеялся:

– Не бойся ты Нахалки! Она подслеповата от рождения, а нюха нет никакого. Раньше была первойшей любимицей покойного барина, сколько дичи для него во время охоты добыла – слов нет! Но однажды утка, на которую она бросилась, извернулась – и клюнула ее прямо в нос. И, видать, какой-то нюхательный орган там перешибла, потому что с тех пор Нахалка начисто утратила чутье. Ее держат, потому что приплод дает первойший, все рождаются с таким нюхом, что иглу в яйце учуют, однако вот этого рыжего ошейника нет ни у кого больше. Все просто белые.

– Ну ладно, бог с ней, с Нахалкой, – сказала Александра, успокоившись. – Лучше расскажи, что ты от Савки узнал.

Выражение Федоткиной физиономии было самое обескураженное:

– И слова не вытянул! Молчит Савка, как камень, молчит. Сурово застрашала его Зосимовна! Никому и словечка молвить не велела. Ну да ничего, не нынче, так завтра я из него тайну все же выужу, а потом тебе исхитрюсь сообщить.

– Смотри не обмани! – сурово сказала Александра, и Федотка так же сурово отвечал:

– Да разрази меня гром! Лопни мои глаза, коли обману!

И, кивнув друг другу на прощанье, наши заговорщики разошлись: Федотка канул в глубь сада, а Александра со всех ног кинулась к дому, лихорадочно обдумывая все, что с ней произошло за каких-то два часа жизни в Протасовке.

У нее было превосходное настроение. Она просто обожала разгадывать загадки – а тут жизнь преподнесла их целую охапку!

Глава 5

О несомненной пользе ночных прогулок

Александра открыла глаза, лишь только начали бить часы, и несколько мгновений лежала, безотчетно считая удары и пытаясь понять, где находится. Ей только что снился Нижний, неказистый домишко на Малой Ямской, крики разносчиков ни свет ни заря, стук колес по мостовой и пьяные голоса по ночам... Но дурманящий ночной воздух, вливавшийся в окно, редкие клики птиц спросонья, шумящая свежесть ветра – все было иным, чем в городе, который она недолюбливала и уехать из которого была так счастлива. Покой и блаженство вливались ей в душу с каждым мгновением, и так хотелось снова закрыть глаза и крепко-крепко заснуть до утра... Однако Александра насчитала двенадцать ударов и подумала, что полночь – это самая наилучшая пора для свершения таинственных дел и поиска ответов на загадки. Поспать она еще успеет, а вот побольше разузнать про обитателей этого дома нужно как можно скорей.

Ужин этих загадок добавил. Радушие Зосимовны по отношению к Скому превосходило все мыслимые пределы, она так и бросалась выполнять самомалейшие его желания, предугадывала их, зашпыняла лакеев, служивших за сто-

лом... При этом всячески третировала Александру, например, окликала лакея именно в тот момент, когда он собирался подавать гостю то или иное блюдо, и отсылала его за каким-то делом. На добрую простушку Сашеньку Хорошилову это должно было произвести ужасное впечатление, довести ее до слез, а может быть, и подтолкнуть к отъезду из Протасовки, однако Александра Хорошилова исподтишка только забавлялась этим и думала, что Зосимовна зря считает себя умной и хитрой. На самом деле слишком явное выпячивание и подчеркивание радушия к гостю и пренебрежения к гостю наводило на многие размышления и выдавало далеко идущие планы няньки уже на корню.

Она, конечно, с первого взгляда очаровалась Ским и сочла, что он – самая что ни на есть подходящая партия для милой Липушки. Зосимовна боится, что более яркая персона – Александра (надо сказать, что наша героиня оценивала себя без лишней скромности, прекрасно понимая как недостатки свои, так и достоинства) – перейдет дорогу хозяйке Протасовки, ну вот и старается задвинуть гостью в тень.

Конечно, Жорж – птица яркая, однако слишком уж вольная. Недаром он сразу заговорил о том, что надо и мир посмотреть, и себя миру показать. Таких красавцев Александра видела-перевидела в Нижнем. В деревне Скому вмиг станет скучно, а Липушка знает только эту жизнь, в городе, выйди она за Ского и укачи с ним, ей будет неуютно, страшно, она зачахнет с тоски по своему родному приволью. Алек-

сандре всерьез думалось, что для семейной жизни в Протасовке Липушке гораздо больше годился бы деревенский сосед, этот приветливый, скромный Полунина. Однако Липушка привыкла думать не своей головой, а нянькиной. С утра расписывала немислимые достоинства Николая Николаевича, а за ужином смотрела влюбленными, осоловелыми глазами на Георгия Антоновича!

Александра вспомнила добродушное лицо Полунина, его чудесную улыбку и подумала, что ему жизнь в суетных городах тоже не пришлись бы по вкусу. Дурочка Липушка просто не понимает, какое сокровище досталось ей в лице этого чистосердечного, милого человека. Дай бог, если ей удастся противостоять натиску Зосимовны, которая отчего-то уверена, что она лучше всех знает, что нужно для счастья ее воспитаннице, и просто-таки подсовывает ей красивого гостя. Нет, этим двоим счастья рядом не будет, сразу видно. И Липушке нужен другой муж, а Скому – совсем другая жена: такая же яркая, решительная, смелая, умная, образованная, чтоб во всем была ему под стать!

Александра усмехнулась: не свой ли портрет рисовала она под ручку со Ским? Может быть... Однако тут же она сказала решительное «нет» своей сердечной дрожи. Несмотря на то что глаза Ского загорелись при виде ее вполне искренним восхищением, он тут же переменялся, узнав, что перед ним не хозяйка Протасовки, а какая-то неведомая гостья... пусть особа очаровательная, но явно бесприданница. И так, Жоржу

Скому нужна не столько Липушка, сколь ее приданое, в то время как Полуниин любит именно ее.

А впрочем, тут же сказала себе Александра, что она знает про Полунина и его дела? Может быть, он тоже гоняется за Липушкиным приданым?

Она тоскливо вздохнула. Увы, ни в ком нельзя предполагать чистоты сердечных помыслов. Даже и в самой себе... тем паче в себе самой!

Александра не слишком-то любила размышлять о своих недостатках. А потому она встала с постели (это была замечательно-просторная кровать, отнюдь не сколоченная деревенским столяром, а явно купленная в городе... вообще вся обстановка в господском доме была отменного качества и подобрана с большим вкусом, который дается только большими деньгами) и, накинув на рубашку уже свой собственный городской капот, пошла к двери. Но ноги мигом озябли на холодном полу. Ночник слабо освещал комнату. Александра совсем уж собралась надеть ночные туфли без задников, сделанные на манер турецких папушей, однако рассудила, что они будут стучать по половицам, и натянула вязаные носки.

Мимолетная улыбка взлетела на лицо Александры при воспоминании о том, с каким любопытством разглядывала Липушка ее багаж. Если Зосимовна корчила пренебрежительные гримасы при виде небольшого количества вещей, то Липушка дивилась изяществу несессера, гребней, щеток,

тонкости белья и изысканности платьев. Шелковый узелок с французскими мылами привел ее в совершенно детский восторг, а получив их в подарок, она чуть ли не запрыгала, отчего черные гусеницы на лбу Зосимовны сердито сползлись друг к дружке да так и оставались долгое время.

Увидав в багаже Александры томик Пушкина, Липушка горделиво сказала, что в Протасовке огромная библиотека в комнате, которая соседствует с кабинетом покойного хозяина, и, ежели Александра любительница читать, она может приходить туда в любое время. То, что Александра была любительница читать, нам уже известно, однако она обрадовалась еще и потому, что получила законное основание ходить по дому среди ночи. Ведь если кто-то ее сейчас остановит, она может сказать, что бессонница одолела, вот и решила пойти за книжкой.

Она взяла было маленький подсвечник-ночничок, однако тут же решила не объявлять о своем присутствии заранее. Еще с вечера она заметила, что в коридоре по стенам укреплены малые светцы, и не сомневалась, что в них будет всю ночь теплиться огонек. Теперь нужно было как можно осторожнее отворить скрипучую дверь. Александра подошла к божнице, около которой теплилась лампадка, и, мысленно попросив у Господа прощения, смочила лампадным маслом носовой платок, которым щедро смазала петли. Она не сомневалась в снисходительности Всевышнего, потому что он не единожды уже выручал Александру Хорошилову из са-

мых тяжких житейских неприятностей, и девушка знала, что в нелегкую минуту вполне может уповать на помощь вышних сил. Тем паче что ею двигали, безусловно, самые благие намерения, дела, можно сказать, богоугодные: она твердо намеревалась осадить зарвавшуюся няньку, которая портила жизнь своей воспитаннице и хозяйке. О том, что Александра также хотела устранить помеху своим собственным планам, она не стала объяснять Небесам, поскольку святым и так все известно, к тому же еще заранее.

В результате ее стараний дверь отворилась бесшумно. Александра высунулась в коридор и увидела, что он и впрямь худо-бедно освещен, вполне достаточно для ее планов. На небе всюду сияла луна, однако сад настолько плотно окружал эту часть дома, что ни единого луча не проникало в окошко, которое находилось в конце коридора. Приподняв подол, она сделала несколько шагов. Вдруг вспыхнули впереди две ярко-зеленые звезды, и Александра перекрестилась было, однако тотчас смекнула, что это, видимо, тот самый котик, которого она видела днем: ленивый, огромный, раскормленный, бело-рыжий, более похожий на ходячую подушку, чем на живое существо. Однако, вишь ты, ночью Пуховик (таким было его прозвище, чрезвычайно к нему идущее!) оживал и отправлялся если не мышей ловить (с его-то толщиной ему и за старой умирающей мышью было не угнаться!), то хотя бы наводить на них опаску издали и напоминать, кто в доме хозяин.

– Кис-кис, – безотчетно шепнула Александра, как шепчут все при виде кошек, и зеленые глаза приблизились к ней, прижмурились, а потом она ощутила, как Пуховик прижался к ее ногам и принялся тереться о них все сильнее и сильнее, при этом урча все громче и громче.

– Тихо ты! – попыталась успокоить его Александра, однако кот не унимался и даже начал упоенно постанывать.

– Что это тебя разобрало? Всех перебудишь! – пыталась она отпихнуть Пуховика, но тот обиженно мявкнул и снова припал к ее ногам, утыкаясь головой в рубашку.

Вот незадача! Черт же дернул ее позвать этого увальня! Что же придумать? Не отворить ли свою дверь и не впихнуть ли туда кота? Хотя нет, начнет ведь мяукать взаперти, еще разбудит кого-нибудь!

Как водится, упомяни о черте, и он немедля окажется поблизости.

В самом конце коридора, почти около окна, приотворилась дверь, и оттуда выглянула чья-то голова. Как раз напротив находился светец, и Александра увидела, что огонек на миг осветил четкий профиль Жоржа Ского. Он высунулся, потом вышел и замер против своей приотворенной двери.

Пуховик повернул голову, и, видимо, Жорж уловил блеск его зеленых глаз, потому что добродушно позвал:

– Кис-кис!

Александра решила, что Пуховик немедленно ринется к Жоржу и начнет так же истоиво тереться о него, как только что

терся о нее. Но ничуть не бывало! Пуховик снова уткнулся в ее подол и замурлыкал пуще прежнего.

Ни жива ни мертва стояла Александра, ожидая, что Жорж сейчас двинется посмотреть, что там делает Пуховик, и обнаружит ее в коридоре. Само собой, она могла, как и собиралась, отговориться тем, что пошла искать книжку, однако на воре и шапка горит, и она не сомневалась, что Жорж заподозрит неладное. Заподозрит – и мигом доложит Зосимовне, потому что не только нянька испытывала к нему великую приязнь, но и гость оказался к ней весьма расположен и не раз отвешивал за ужином комплименты ее умению держать в узде прислугу, вести дом, обеспечивать порядок и «вращивать столь прекрасные цветы, как Липушка».

Однако Жорж лишь всмотрелся в темноту, ничего там, видимо, не увидел и сделал несколько шагов по коридору, пристально разглядывая двери. Вдруг он остановился, и только теперь Александра заметила то, чего не замечала раньше: в щели между дверью и косяком мерцал слабый огонек. Там горела свеча, но почему? Комната Липушки находилась в другом крыле, Зосимовна спала по соседству с ней, а здесь что? Днем Александра обратила внимание, что эта комната была не только заперта, но и заложена на засов. А теперь дверь чуть колышется от сквозняка. Она отперта... Да что же здесь может быть другое, немедленно подсказала ей догадливость, как не кабинет покойного господина Протасова, предмет ночного любопытства Зосимовны! И что же она мо-

жет там разыскивать из ночи в ночь, интересно знать?!

Прижатая к своей двери жирным, жарким телом Пуховика, Александра не могла двинуться с места, однако Жоржу, похоже, тоже оказалось интересно, что же делается в этой освещенной комнате. Он сделал несколько крадущихся шагов – Александра смогла разглядеть, что он бос, в одной рубаше, кое-как заправленной в брюки, – и приблизился к освещенной двери. Он двигался почти бесшумно, но как раз напротив двери громко, предательски-громко, оглушительно-громко скрипнула половица. В ту же минуту огонек погас, словно резко задули свечу. И чуткие ноздри Александры уловили именно тот запах, который распространяется, если резко загасить свечку: дымный запах тлеющего фитиля. Жорж стоял недвижимо, очевидно, опасаясь наступить на скрипучую половицу вновь.

Александра тоже затаила дыхание... по коридору разносилось только упоенное мурлыканье Пуховика.

«Да он, наверное, весь мой капот в шерсти своей извозил!» – внезапно подумала Александра, словно это было самым главным сейчас.

В то же мгновение дверь загадочной комнаты резко запахнулась и с силой шарахнула по лбу замершего напротив Жоржа. Тот ахнул – и повалился наземь. Перепуганный грохотом упавшего тела Пуховик мявкнул и отскочил от Александры чуть ли не на середину коридора. Девушка мысленно перекрестилась и плотнее вжалась в свою дверь.

Темная тень замерла в загадочной двери, вглядываясь в лежащего. Потом послышалось громкое: «Ах!» Голос был женский, и Александра немедленно узнала Зосимовну. Итак, нянька продолжала свои поиски – чего?! – в хозяйском кабинете. Но зачем понесло туда Жоржа? Просто из-за бессоницы вышел он нынче из своей опочивальни или вела его некая корысть?

На эти вопросы ответа не было.

Между тем Зосимовна постояла, вглядываясь в темноту. Александра на миг зажмурилась, словно боялась, что блеск ее глаз выдаст ее так же, как блеск зеленых глаз Пуховика выдавал его. Потом послышалась какая-то возня. Александра приоткрыла один глаз и увидела, что Зосимовна, пыхтя и натужась, оттаскивает неподвижно лежащего Жоржа от двери. Кое-как ей удалось это сделать. Потом она притворила дверь и заложила ее засовом, который был, видимо, очень хорошо смазан, потому что скользнул в петли совершенно бесшумно.

Вслед за этим Зосимовна снова наклонилась над Жоржем и довольно бесцеремонно пошевелила его ногой. Послышался слабый стон.

– Живой? – пробормотала презрительно Зосимовна. – Повезло тебе, могла ведь и голову проломить! И поделом! Больно ты прыток оказался, милоч! Будешь теперь знать, как нос не в свое дело совать! Тебе другое предназначено, а ты... Ладно, полежи покуда!

И, переступив через неподвижно лежащее тело, она почти бесшумно, с невероятной для своего массивного тела легкостью заскользила в другой конец коридора, за что Александра немедля возблагодарила Господа, ибо, пройди Зосимовна сейчас мимо, девушка не удержалась бы от крика, такой ужас внушала ей эта загадочная и жестокосердная особа.

Лишь только Зосимовна скрылась за поворотом, Александра потянула ручку своей двери и порскнула в опочивальню. Дрожащими руками накинула крючок и прильнула лбом к притолоке, вся дрожа и благословляя Небеса за то, что надумили ее смазать петли: иначе дверь закрипела бы, и Зосимовна могла бы воротиться и застигнуть ее!

Вообще ей за многое нужно было благодарить Небеса, подумала Александра, например за непонятную ласковость Пуховика. Не удержи он ее около двери, она или попалась бы на глаза Жоржу, или успела бы наступить на предательскую половицу напротив двери кабинета – и тогда именно она, а не Жорж валялась бы посреди коридора с ушибленной головой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.